

ЛЕКЦИЯ 4 МИФОЛОГИЯ ИМЕНИ собственного

Литература

1. Фрэзер Джеймс Джорж. Золотая ветвь. Исследования магии религии. – М., 1986.
2. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособ. для студентов гуманитарных вузов. – М., 1998.
3. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам: Сб. научн. статей в честь М.М. Бахтина. – Вып. 308. – Тарту. 1973. – С. 282-303.
4. Толстой Н.И. Мифология имени собственного // Исторические названия – памятники культуры: Мат-лы Всесоюзн. научно-практич. конференции. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1989. – С. 84-85.
5. Топоров В.Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) // Там же. – С. 125-129.

1. Языческие представления о магии имени

Одна из фундаментальных особенностей мифопоэтического сознания состоит в отождествлении (или неразличении, или недостаточном различении имени и вещи). Имя представлялось загадочной сущностью вещи. Знать имя означало иметь власть над тем, что названо; произнести имя, назвать по имени – могло означать создать, оживить, погубить, овладеть..., т.е. связь имени с лицом столь же реально и материально ощутима, что через имя можно оказать магическое воздействие на человека точно так же, как через волосы, ногти и др. части тела. Т.е. первобытный человек считал своё имя частью самого себя.

Это происходило потому, что знак в мифологическом сознании аналогичен имени собственному. Имя понималось не просто как условное название предмета или человека, но как то, что содержит в себе правила обращения с именуемой вещью и объясняет свойства именуемого объекта. Т.е., если именуется человек, то он должен вести себя в соответствии с именем. В то же время определённые свойства внешности, психики, характера, навыков деятельности или профессии именуемого, в свою очередь, отображаются в самом имени (в современных языках примером такого понимания свойств имени являются прозвища или говорящие имена литературных героев).

Для мифологического сознания имя было одной из главных тайн мира. Что означают имена людей? Что значит имя в судьбе человека? Почему именно эти звуки в этом имени? Это главные вопросы философии имени.

В иудаистической мифологии запечатлено напряжённое «вслушивание» древнего человека в само звучание имени. Так, старший из израильских патриархов, приняв «Завет» от Бога, получает и преобразованное имя: было *Аврам* («отец великолепен») – стало *Авраам*

(«отец множества»). В мистических учениях раннего средневековья, когда человек особенно упорно всматривался в знаки и имена, стремясь найти в них тайные значения, имя Адам было осмыслено как символ всего человечества: буквы его имени соответствовали 4-ём сторонам света (на греч. яз.: Anatole – восток, Dysis – запад, Arktos – север, Mesembria – юг).

Н.Б. Мечковская говорит и о поисках символичности букв в имени первочеловека славянской книжностью. Согласно апокрифу XII в. «Сказание како сотвори Бог Адама», Бог по буквам «собирал» имя Адама: «И посла Господь ангела своего, повеле взяти «азь» на востоце, «добро» – на западе, «мыслете» на севере и на юзе. И бысть человек в душу живу, нарече ему имя *Адам*».

С верой в магические свойства имени были связаны две противоположные крайности в отношении к слову: с одной стороны табу, т.е. запрет произносить имя, а с другой – повторение значимого имени. Табу – запрет произносить те или иные слова, выражения (особенно часто собственного имени). Источником табу могла быть неконвенциональная (безусловная) трактовка знака: древний человек относился к слову не как к условной, внешней метке предмета, а как к его неотъемлемой части. Чтобы не разгневать «хозяина тайги», избежать болезни или другой беды, не потревожить души умерших, запрещалось произносить «их» имена.

Табуированные слова заменялись эвфемизмами – замена табуированного слова (в современных культурах просто резкого или нарушающего приличия выражения) приемлемым.

Нередко такое эвфемическое имя выступало как оберег, амулет или заклинание, оберегающее от несчастья. В древности, выбирая имя родившемуся ребёнку, человек как бы играл с духами в прятки: то он хранил в тайне «настоящее» имя; то нарекал детей названиями животных, рыб, растений; то давал «худое имя», чтобы не привлекать духов. Такое имя-оберег получил при рождении будущий пророк Заратуштра (Заратустра) «староверблюдый». Обычай тайного имени существовал и у восточных славян (это отмечено в словаре Даля): кроме крёстного имени, ещё одно имя давали ребёнку родители тоже по святцам; оно называлось рекло и «встарь не оглашалось» (Даль, 2, 43; 4, 94).

Верой в магические свойства имени пронизан весь фольклор. Смысл многих фольклорных сюжетов сводился к тому, что если знать имя нечисти, то именем можно нечисть и отвести; если отгадать имя, то получишь власть над тем, кто носит имя; от слова зависит судьба и жизнь (Упырь выходит из гроба и, взобравшись на колокольню, выкрикивает имена людей: кто слышит его голос – умирает).

Неразложимое единство, взаимозаменяемость в практике ритуального действия имени и вещи – органическая часть образной системы мифологической картины мира, для которой вообще были характерны образный синкретизм, субъектно-объектное единство. Миф же о творении мира словом, речью принадлежит к числу основных, коренных индоевропейских мифов, представляющих основную функцию речи – расчленение мира и собирание

(творение) его в новое гармоническое единство (З. И. Резанова ИМЯ И МИФ В ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ И ПОЗИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ XX В. // ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. 2009. Филология №3(7). – С. 32 - 48).

В словаре Даля приводятся следующие присловья: «*От слова станется / не сбудется*» (Даль 4, 222) – т.е. пусть сказанное не сбудется (ср. бел. *Каб не прагаварыць*). И целый ряд присловий, в которых подчёркивается, что помянуть, назвать может означать «позвать, вызвать»: *Помяни по имени, а он тут; Лёгкок на помине; Типун тебе на язык!* (сейчас шутовое); *Накаркать; Не поминай лиха!*

Во многих культурах до сих пор сохраняется особое внимание к имени при выборе имени ребёнку, при знакомстве парня и девушки). Об этом свидетельствует в числе других фактов органическое существование в современной культуре религиозного ритуала наречения, выстраиваемого на мифологическом образе имени. И в настоящее время наречение каноническим именем православного христианина является сакральным актом, соотнесенным с таинством крещения. Онтологическую сущность ритуального акта вскрывает П. Флоренский: «По имени и житие» – стереотипная формула житий; по имени – житие, а не имя по житию. Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея...» [4. С. 188].

Многие русские пословицы и поговорки отражают эти же моменты: *Корова без клички – мясо. Ребёнок без имени – чертёнок. Аминь человека спасает; Аминь дело вершит.*

О мифологическом переживании имени в разнообразных формах современных коммуникативных практик пишет А. Лосев: «Имена эти действуют то успокоительно, то возбуждительно, то умилительно, то восторженно. Они заставляют любить, ненавидеть, действовать, даже умирать. Я утверждаю, что мы любим не вещь, но имена, ненавидим не вещи, но имена, и если когда и умираем за что-нибудь, то всегда обязательно только за какое-нибудь имя или имена, "во имя" чего-нибудь или кого-нибудь» [Лосев А., Вещь и имя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/vesch_im.php].

2.Философские концепции понимания имени собственного, основанные на мифологическом представлении о нём

1.В русской философской концепции, восходящей к богословской теории омакодоксии, при решении вопроса о связи имени и именуемого в современных языках признается условный характер двух сторон слова, однако выделяются пласты лексики, в которых имя и именуемое связаны «по природе». Это прежде всего имена собственные, в первую очередь – личные имена:

«Мы отличаем имя от слова вообще, хотя о чисто словесной природе имени мы будем говорить дальше, но уже сейчас можно сказать, что имя есть, конечно, тоже слово, и что это – особое слово... имя относится как раз к одушевленным вещам... Интерпретировать в смысле имени можно любой вид действительности. И тут все дело заключается не в том, чему правильно или неправильно дано имя, а в том, что имя, раз оно дается, несет с собой интерпретацию предмета в смысле одушевления...» [5]. Именование же в концепции А. Лосева и П. Флоренского предстает как процесс и результат наделения именуемого свойствами, судьбой, предназначения пути земного. Таким образом, в самом выборе состава лексикона, на котором развивается идея «предназначения» именем свойств «вещи», философ следует традиции, заложенной в «Кратиле». Параллели к «Кратилу» усматриваются нами также в самой системе рассуждений: имя предстает как формально-смысловое единство, характеризующееся глубинным взаимодетерминирующим отношением с языком и другими проявлениями культуры.

Платон стремится рационализировать миф, выстраивая систему доказательств проявленности в звуковом составе сущности имени, «предназначенности жизненного пути», именуемого через непосредственное установление звука и смысла. Как известно, в самом диалоге данный путь в заключении подвергнут Платоном ироническому сомнению. Многовековой опыт рефлексий этого варианта интерпретации звуковой формы имени также неоднократно приводил к обнаружению ее явной ограниченности. П. Флоренский возвращается к системе доказательств того, что в самом звучании имени предназначены свойства именуемого, говорит о звукоонтологическом строении имени, подчеркивая: «В имени живет не только семема его, но иморфема, даже фонема» [4. С. 226].

Однако для него очевидна ограниченность рационалистических методов установления связи звучания и смысла: «Есть что-то, ускользающее от рационалистического анализа. Самый пристальный дневной взгляд не рассеивает имени. А между тем каких переживаний, заведомо реальных, не удастся этому взгляду расторгнуть и, убив собственную их форму, привести к ничтожеству...» [4. С. 224].

С одной стороны, «имена не сводятся к отдельным признакам», аналитическое расчленение «убивает тонкое единство смыслов предназначенности», увидеть этот смысл можно только синтетическим, всеобъемлющим взглядом, рассматривая звук не сам по себе, но как изначально погруженный в контекст культуры.

Погружение имени, сохраняющего «формообразующее личностное начало», в культурно-исторический контекст как среду его самораскрытия и вариативного воплощения – важнейшая методологическая установка П. Флоренского и А. Лосева. П. Флоренский убежден в том, что «в имени наиболее четко познается духовное строение личности, не затуманенное вторичными проявлениями и свободное от шлаков биографий и пыли истории»; он пишет об устойчивости в именах «основного типа их строения, не чувственного, а умного инварианта их формообразующего личностного на-

чала. Ферментативная сила их, по-своему направляющая духовные процессы личности, остается равной себе. Это определенный инвариант личности» [4. С. 224–225]. Однако «имя вещи, как ее самопонимание, есть конституирование, осмысление ее как объективно-определенной... проявляется и раскрывается оно только при особых условиях, действует и именитствует оно только в зависимости от некоторых новых обстоятельств» [5].

Бытование имени в культуре предстает как диалектика устойчивости и изменчивости смыслообразования. П. Флоренский и А. Лосев прибегают к единому образу для характеристики роли имени в процессах самореализации вещи: П. Флоренский сравнивает имя с желудем, в котором есть вся потенция развития дуба, А. Лосев пишет: «Имя вещи – смысловый зародыш вещи, активно принуждающий вещь к появлению и росту» [5].

Сила имени, его определенность формируется триединством формы / смысла / контекста в их синтетических взаимодействиях. По Флоренскому, смысл имени «собирается» в процессе исторической жизни имени: имя, принадлежа именуемому, предопределяет пути его реализации и вместе с тем вбирает в себя опыт бесконечных воплощений. В то же время бытование имени в конкретном поле культуры основывается на процессах формальных (фономорфологических) трансформаций: «Ведь даже в тех случаях, когда народ, по-видимому, имеет имя, чуждое другому народу, он обыкновенно берет от чуждого имени одну из морфологических сторон имени, так, например, Matthoya, Матфей, Феодор, Theodor, Деодат, Богдан и т. д. – пучок имен, имеющих общий этимон «дар Божий» и в значительной мере – общую семему, хотя фонема этих имен различна» [4. С. 217]. Различие фонемное взаимодействует с культурным детерминирующим влиянием, в результате чего имена «акклиматизируются и приобретают новый Habitus, иногда, может быть, и весьма далекий от прежнего» [4. С. 217].

Еще в более острой форме выражает мысль об ограниченности рационалистического звукового анализа имени А. Лосев: «На самом же деле, общее между Иваном Ивановичем и Иваном Петровичем только в звуках имени «Иван»; по существу же оба Ивана суть совершенно самостоятельные и несравнимые личности, поскольку имя ни с какой стороны не есть звук или комплекс звуков» [5].

П. Флоренский пишет об особом типе анализа – оноματοлогическом, основывающемся на интуиции, основа которого – медитация, предмет которой «не образы, а самое имя, как слово, словесный организм, а в нем – важное значение имеет звук его» [5].

(4. Флоренский П. Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность // Павел Флоренский, священник. Соч.: В 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 169–232.

5. Лосев А. Вещь и имя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/vesch_im.php).

2. Магия имени, непосредственное воздействие имени через посредство звучания (минуя смысл, воздействуя в унисон со смыслом или в проти-

воречие с интеллектуальным смыслом) – одна из широкого круга проблем, разрешаемых в современных теориях звуко-символизма и фоносемантики, теориях, имеющих значительную область пересечения предмета исследования с лингвистической суггестологией.

Характеризуя базовые методологические принципы фоносемантики как самостоятельной отрасли языкознания, С.В. Воронин выделяет принцип произвольности языкового знака в качестве первого и основного методологического принципа. Однако при этом усматривает его двойственность: в «современной» синхронии знак одновременно произволен и произволен, причиной чего является его двойственная коммуникативно-отражательная сущность. При этом в конкретном акте «выбирается некий признак объекта-денотата, полагаемый в основу номинации, – и в этом главном, определяющем, принципиальном моменте номинация произвольна, мотивированна; выбор же именно данного конкретного признака во многом случаен – и в этом более частном моменте номинация во многом произвольна, немотивированна» [Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 243 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psycholing.narod.ru/index.html>].

Несмотря на различие конкретных задач, решаемых исследователями, в рамках теорий звуко-символизма и фоносемантики утверждается возможность «согласования выражения с содержанием, построения означаемого с помощью некоего процесса изоморфной трансформации, сохраняя аналогию с перцептивной или семантической моделью: «...голос может подражать не только другому голосу и характерным звукам вещей, но также и неакустическим признакам; достаточно, чтобы некоторые формальные свойства обнаруживались в модели и в подражании [Guillaume, 1937]» [Воронин].

В соответствии с многовековой традицией, начало которой было положено в трудах Платона и стоиков, современными исследователями выделяются три типа символизма звуковой формы, которые А.В. Михалев определяет как «эхойческий символизм, т.е. когда фонетический звук прямо повторяет какую-нибудь звучащую сторону отображаемого», «синестетический символизм – когда звук вызывает ощущения свойств отображаемого, относящихся к другой сенсорной модальности (например, говоря о звуке: «жесткий» или «мягкий», «светлый» или «темный», «сладкий» или «горький», «тяжелый» или «легкий» и т.д.); «физиогномический символизм – когда звук ассоциируется с эмотивными или психофизиологическими свойствами... например, говоря о звуке: «агрессивный» или «мягкий», «веселый» или «печальный», «мужественный» или «женственный» и т.д. либо «угловатый» или «округлый», «напряженный» или «слабый», «большой» или «малый» [11].

Как отмечалось, в трудах П. Флоренского, А. Лосева утверждалась идея медитативного постижения природы имени, привлечения мистических учений, погружения имени в глубокий исторический контекст его бытия как базы интуитивного прозрения скрытого смысла имени.

В современных теориях фоносемантики разработаны методики экспериментального измерения значимости фонетической формы слова, что может служить доказательством мотивированности знака.

В российской лингвистике у истоков этого направления находились исследования А.П. Журавлева, изложенные в его книге «Звук и смысл» [Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.], а также в докторской диссертации и монографии «Фонетическое значение» [Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974].

Основываясь на гипотезе о значимости звука самого по себе, А.П. Журавлев на основе данных психолингвистических ассоциативных экспериментов выявил системы устойчиво актуализируемых «среднеарифметическим, коллективным» носителем русского языка качественно-оценочных ассоциаций звукобукв. При этом в полном согласии с принципами синестезии исследователь делал заключение: «Все обнаруженные у звуков признаки нужно понимать так, что впечатления от звуков как-то соотносятся с впечатлениями о предметах и явлениях... Если среди характеристик звука О есть признак «большой», это означает только то, что впечатление от звука О в чем-то сходно с впечатлением от восприятия какого-либо большого предмета или явления» [Звук и смысл. С. 18]. На основе применения метода семантического дифференциала Ч. Осгуда была измерена символика всех звукобукв русского языка, построена модель фонетического значения, разработаны первыепрограммы автоматического анализа вычисления фонетического значения слова. Для оценки символика русских звуков используются 24 шкалы, представленные парами антонимичных прилагательных русского языка: хороший – плохой, красивый отталкивающий и т.д.

Исследование фонетического значения проводится в отвлечении от лексического значения и лишь затем соотносится с ним. Автор убежден, что фонетическая значимость звуков речи основана на их «физических характеристиках... восприятие звуков по всем признакам группы силы зависит от мягкости – твердости и высоты звуков... значит, она, эта значимость, не является порождением значений слов, как часто думают» [Звук и смысл. С. 23]. Обнаруживая случаи согласования и рассогласования фонетического и лексического значения, автор делает предположение, что утрата соответствия может быть следствием исторических трансформаций звуковой или смысловой стороны слова (о чем мы находим размышления уже у Платона и стоиков). Однако, утверждает А.П. Журавлев, при наличии такого согласования «слово становится более жизнеспособным», «нарушение гармонии ведет к неустойчивости слова и влечет за собой изменение звучания или значения в сторону восстановления гармонии» [12. С. 64], т. е. утверждается идея наличия внутренней глубинной тенденции сохранения мотивированности знака, отражения в звучании природы означаемого.

Эксперимент А.П. Журавлева был направлен на выявление того, как слово представлено в языковом сознании, на фиксацию тех моментов языкового сознания, которые непосредственно не рефлексированы

говорящими и могут быть актуализированы только в результате определенных экспериментальных процедур. Неререфлектируемость этих элементов смысла слова позволяет относить их к сфере подсознания.

Таким образом, и методические установки философов-метафизиков, ориентированные на медитацию, на обращение к мистическим учениям при доказательстве непосредственной связи имени и именуемого, и формализованные экспериментальные методы современных теоретиков звукосимволизма направлены на активизацию и объективацию подсознания (исследователя, философа – в теории А. Лосева, П. Флоренского; «среднестатистического и коллективного носителя языка» – в концепции А.П. Журавлева), в котором скрыты глубинные смыслы имени.

3. Черты религиозно-мифологических представлений восприятия имени в повседневном общении

Черты религиозно-мифологических представлений ярче всего прослеживаются в акте наречения. Наречение семейного имени (деда, отца, матери) – отголосок ритуального акта продления существования предка в новорожденном.

Наречение в честь выдающейся личности тоже имеет в подтексте эту метонимическую связь: может быть, в новорожденном отразятся черты известного человека. При этом в настоящее время такое наречение – это больше дань традиции.

Наречение благозвучным именем тоже объясняется мифопоэтическими коннотациями самого имени.

Использование нескольких разных единиц антропонимической системы (имя – имя-отчество – имя-отчество-фамилия – прозвище – псевдоним) соотносится с древнерусской системой именования («истинное–тайное», «детское–взрослое», «христианское–языческое», «сакральное–мирское»).

У каждого И. с. есть своя внутренняя форма, этимология, которыми обладает и каждое слово. Но другие слова обладают также значением. У И. с. этимология – это все, что у него есть, поэтому она для него чрезвычайно важна. Александр означает "победитель", Наталья – "родная". Когда ребенку дают имя, то вольно или не вольно эта этимология актуализируется. В художественной литературе название персонажей говорящими именами было распространено в классицизме. Эту особенность отразил еще А. С. Грибоедов в "Горе от ума", где почти все персонажи названы говорящими фамилиями: Молчалин, Фамусов (известный, ср. англ. famous), Скалозуб, Чацкий (намек на его прототип П. Я. Чаадаева). Позитивистская эстетика реализма XIX в. пренебрегала мистической ролью И. с. Только Достоевский, предшественник и в определенном смысле современник культуры XX в., придавал И.с. большое значение. Так, фамилия Раскольников ассоциируется с расколом в сознании персонажа, Ставрогин – (др.-гр. Stauros - "крест") тот,

кто несет крест, мученик собственной души. Для культуры XX в. характерно наделение героев И. с. в духе мифологического сознания. Так, в романе Гарсиа Маркеса "Сто лет одиночества" мужчин всех поколений зовут либо Аурелиано, либо Хосе Аркадио, благодаря чему создается впечатление, что герой не умирает или умирает и воскресает, как в мифе.

На бытовом уровне эту ситуацию наблюдаем в "реалистическом" романе (о поверхностном характере реализма XX в. Джона Голсуорси "Сага о Форсайтах", где сыновей называют именами отцов. В результате этого появляются цепочки вроде Роджер (старый Роджер) – молодой Роджер – очень молодой Роджер (в конце повествования "очень молодой Роджер" предстает весьма солидным пожилым джентльменом). В романе Макса Фриша "Назову себя Гантенбайн" рассказчик представляет себя попеременно двумя персонажами – Гантенбайном и Эгдерлином, у каждого из которых своя судьба и различные стратегии жизненного поведения. Здесь используется тот эффект И. с., что оно сообщает индивиду статус реальности, статус существования: раз человек как-то назван, значит, он существует. В мире многообразном Есть ясность и туман. Пока предмет не назван, Он непонятен нам. Спрашиваем в страхе: Кто он, откуда, чей? Слова – смирительные рубахи Для ошалевших вещей. (Давид Самойлов).

Отголоски древнего ритуального акта смены имени в переломные моменты жизни, когда происходят коренные изменения личности, могут обнаруживаться в мотивации использования псевдонима. Ср. использование псевдофамилии Степанов Юрием Олешей для выражения двойственности мироощущения. «Сегодня я решил писать дневник. Моя фамилия – *Степанов. Григорий Иванович Степанов*»... Олеша как бы разбирает себя, демонстрирует свой распад... Уникальный художник Ю. Олеша даёт себя потеснить, даже вытеснить «простому человеку» Степанову; это драма художника, но победа Степанова с его усредненной физиономией» (ОГ. 1999. № 10). Это характерное проявление мифологического мышления, ориентированного на собственное имя: новому состоянию соответствует новое имя. Как замечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, «именно подсистема собственных имён образует в естественном языке тот специальный пласт, который может быть подвержен изменению и сознательному (искусственному) регулированию со стороны носителя языка... Если семантическое движение в естественном языке носит характер постепенного развития – внутренних семантических сдвигов, - то «язык собственных имён» движется как цепь сознательных и отграниченных друг от друга актов наименования и переименования» (Лотман Ю.М., Успенский Б.Ю. Миф – имя – культура // Ю. М. Лотман. Избр. ст. в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 59-74).

Индивидуальные проявления человека в речевой стихии стремятся к проявлению разными именами.

Переломные эпохи в истории характеризуются и сменой географических названий. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский подчёркивают, что речь идёт «не об условной связи географического пункта и его названия,

позволяющей сменить имя при неизменности вещи, а о мифологическом их отождествлении, поскольку смена названия мыслится как уничтожение старой вещи и рождение на её месте новой, более удовлетворяющей требованиям инициатора этого акта» (с.71).

Особенно это проявляется в отношении топонимов и микропонимов в постсоветское время, когда обыватели подсознательно стремятся изменить жизнь, меняя названия, откеститься от недавней, болезненно переживаемой истории, замещая её далёкой или новейшей.

Как проявление того же типа христианского сознания: имя – особая субстанция, посредством которой проявляет себя духовная сущность – является языковая игра с именем собственным в газетных текстах: И вот – **Путин**. Путин? ... В словаре Даля можно выбрать корень его фамилии. Это – и *путный* (годный, изрядный, надёжный). Это – и *путник* (странник, прохожий), и *путевод* (вожак, проводник для дороги)... Как-то будем жить-поживать, товарищ Путин В.В.? (Изв. 200. 8 авг.). Б.Ю. Норманн рассматривает звуковую форму имён собственных, а также связанные с ними аллюзии и реминисценции в качестве основы особого текстообразующего потенциала ИС, компенсирующего отсутствие у них, по формулировке автора, «семантики как таковой» (Norman, 2001).

